

Он лишь думал, что идёт домой, на Гриммо, но ноги опять сами решили за него. Нет, он не вернулся к Панси, как можно было ожидать, но когда смог наконец отвлечься от своих размышлений, обнаружил себя в знакомом садике, который окружал дорожку к небольшому двухэтажному особняку, затерявшемуся в центре Лондона. Очевидно, его подсознание лучше знало, что ему нужно. Он сел на качели в тени раскидистого дуба, где они так любили сидеть вечерами в ту ещё пору, когда всё, что она ему позволяла это безудержные поцелуи в кустах, — до сухоты во рту и сбившегося дыхания, — не забывая при этом раздавать шлепки его требующим большего рукам. Голубое небо над головой вновь напомнило её глаза, и он не отрываясь смотрел в эту безупречную синеву, позволив воспоминаниям пусть ненадолго наполнить его ощущением того счастья.

— Гарри?

Он сел ровно, а потом и вовсе вскочил, чуть не ударившись головой о козырёк от дождя.

— Миссис Гринграсс, — пробормотал он, пытаясь поклониться, но она стремительно шагнула вперёд и обняла его, не позволив переключиться на формальный тон.

— Я же тебя просила, Гарри, — упрекнула она, когда он неловко обнял её в ответ. — Мы давно уже на “ты”. Зови меня просто, по имени.

— Я... — вздохнул он после того, как она его отпустила. — Я просто не знаю, как теперь...

Миссис Гринграсс протянула руку и провела по его волосам. Ей потеря далась тяжело — ещё полгода назад она выглядела от силы лет на тридцать пять, а уж когда её лицо освещалось улыбкой, то и вовсе казалась тридцатилетней. Теперь же выпланные слёзы словно оставили борозды на лице. Нет, будучи искусной колдуньей, она прекрасно знала, как управиться с появляющимися морщинками, но — она не хотела. Может, это был её способ остаться в мире с утратой.

— Ты по-прежнему пьёшь? — спросила она.

Без осуждения, а лишь как заботливый родственник спрашивает о здоровье. “Твой насморк уже прошёл?” Гарри помотал головой.

— Нет, я бросил в среду, — ответил он.

— От тебя пахнет, — принялась она. — Или это новый одеколон?

Она имела право задать ему такой вопрос. В конце концов, она была одной из самых близких ему людей.

— Нет, Перри, я трезв, — ответил он. — С утра прополоскал горло и снова убедился, что больше не стоит.

— Я рада, — серьёзно кивнула она. — Пойдём в дом?

— Если ты пригласишь, — учтиво откликнулся он.

— Глупости, Гарри, — заявила Пераспера, разворачиваясь и направляясь по дорожке на полшага впереди него. — Ты же знаешь, что этот дом всегда будет твоим, даже несмотря на мелкие разногласия.

— Разногласия? — осторожно переспросил он.

Она развернулась, пристально вглядываясь в его глаза, а потом рассмеялась, когда наконец разглядела в них то, что искала.

— Гарри, — со смехом сказала она. — Только не говори мне, что вообще ничего не помнишь!

Он напрягся. Перед глазами беспорядочно замелькали картинки, словно на барабане в игровом автомате, услужливо заполняя пробелы томно дышащей розовой плотью, вздымающимися грудями, круглыми попками, капельками пота на плоских животиках, призывно манящими губами и вызывающе облизывающими их язычками... Ему стало жарко, словно в лицо дыхнул дракон.

— Перри... — начал он, и язык занемел, отказавшись ему служить. — Перри, я ничего не помню... С похорон — вообще ничего... Мне рассказывают такие вещи... Скажи, только честно, я ничего такого себе не позволил?

— Именно, что позволил, — кивнула она. — Позволил, и не раз. Мне с трудом удалось отговорить Дэниела от дуэли...

— Постой, — взмолился он, почувствовав, что ноги отказались ему служить, и расстроено опустился на траву, хватая себя обеими руками за волосы с намерением выдрать все до единого. — Постой... Ты же понимаешь, что я был совсем не в себе, когда это произошло?

— Конечно, — согласилась она. — Именно это я и пыталась объяснить своему мужу.

— Чёрт, чёрт, чёрт! — закричал он, стискивая уши в руках, надеясь, что они перестанут слышать весь этот ужас. — Перри, прости! Я не хотел!..

— А мне показалось, что даже очень! — возразила она.

— Это больше не повторится, я обещаю! — простонал он.

— Нет уж, Гарри! — заявила Пераспера, подавая ему руку, чтобы он поднялся с травы. — Порядочные люди так не поступают. Что это, — она кокетливо поправила волосы, — поматросил девушку и бросил? Нет уж, так не годится! Я думаю, что тогда уж Дэниел точно будет настаивать на дуэли!

— При всём почтении, Перри, — закричал он, — ты в своём уме? Он, что, всерьёз желает, чтобы мы с тобой...

Она вдруг весело рассмеялась, снова превратившись в ту самую почти что девчонку, которую он знал до этого. Её смех весёлым колокольчиком разносился по саду, и Гарри озадаченно замолк.

— Мы — с тобой!.. — радостно воскликнула она и снова рассмеялась.

Он нахмурился, и его шестерёнки начали медленно и натужно прокручиваться, озадачивая его подозрениями в том, что он опять что-то где-то упустил. Что-то несомненно важное.

— Ой, спасибо, конечно, милый, — сказала она, держась рукой за бок, в котором, похоже, начало колоть. — Давно меня так никто не радовал! Но всё же, дорогой, — она дёрнула его за рукав, разворачивая к себе. — Давай серьёзно, всё-таки! Это не только смешно, но также и оскорбительно! Как ты мог про меня такое подумать, да ещё и при живом-то муже?

— Так ты поэтому подбиваешь его на дуэль со мной? — догадался он.

— О, молодость! — воскликнула Пераспера, задрав голову к небу, расхохоталась и, весело смеясь, вприпрыжку, как девчонка, побежала в дом.

— Дэнни! — слышался её голос внутри. — Гарри пришёл!

— На бровях? — переспросил мистер Гринграсс. — Не волнуйся, меня он всё равно не заметит. Как обычно...

Гарри прикрыл входную дверь и прошёл в небольшой холл, где в кресле сидел хозяин дома, недобро глядящий на него поверх газеты.

— Добрый день, сэр! — поклонился он.

Мистер Гринграсс опустил газету, удивлённо посмотрев на Гарри, потом повернул голову к жене, вставшей у его кресла, и громким шёпотом спросил:

— Перри, он что, меня видит?

— Он теперь иной, — таким же громким шёпотом отозвалась она. — Трезвый. Но ничего не помнит.

— Ничего? — озадаченно нахмурился мистер Гринграсс. — И того, что две недели назад проиграл мне тысячу галлеонов в бридж, тоже не помнит?

— Я, что, теперь умею играть в бридж? — ошарашенно спросил Гарри.

— Ну, дорогой, положим, такого я тоже не помню, — похлопала мужа по груди Пераспера.

— Он слишком часто на тебя дышал, — пояснил мистер Гринграсс. — Видать, ты тоже захмелела и забыла про мою тысячу галлеонов.

Он пристально посмотрел на Гарри, который в данный момент боролся с непроизвольным желанием вытянуться в струнку. Как и миссис Гринграсс, Дэниел был одет во всё чёрное, но потеря не так сильно отразилась на нём внешне, хотя Гарри был уверен, что он переживал чуть ли не больше него самого. Её, конечно, любили все, но для отца она была самым настоящим лучом света, ангелом и божеством, трепетно лелеемым и почитаемым.

— Ты и вправду наконец в состоянии соображать, что происходит? — хмыкнул он.

— Да, сэр, — коротко ответил Гарри, не совсем будучи уверен в правильности такого ответа.

То есть соображать-то он соображал, но вот понять так до сих пор ничего не смог. Нет, одну очень важную вещь он всё-таки выяснил — с Перасперой он не переспал. С другой стороны, что же он такое себе позволил, что Дэниел даже хотел его убить?

— Тогда ты должен понимать, что немедленно должен жениться на моей дочери, — произнёс Дэниел. — Достаточно и того позора, что нам уже пришлось претерпеть.

— На какой дочери? — опешил Гарри. — Я уже женился...

Ему в голову стало закрадываться подозрение, что они оба сбрендили от горя, и оттого несут полнейшую чушь.

— На той самой, которую ты мало того, что обесчестил, так ещё и с абсолютным цинизмом надругался над стенами приютившего тебя дома, сделав это в её собственной спальне, — сердито воскликнул мистер Гринграсс.

— Я бы никогда такого не сделал, сэр! — пробормотал он.

— Дэнни, перестань уже на него злиться, — надула губки Пераспера. — Ты же сам понимаешь, что в этом процессе участвуют двое...

— То, что у неё отказали тормоза в тот момент, не освобождает нашего дорогого Гарри от необходимости всё-таки иногда думать головой! — гневно заявил мистер Гринграсс. — Сначала он соблазнил одну мою дочь, но в её случае по крайней мере соблюдалась видимость приличия, хотя моя репутация оказалась безвозвратно испорчена разрывом её помолвки... Потом... Тебе, что, здесь мёдом намазано? Почему именно мои дочери должны страдать от твоей невоздержанности?

— Во-первых, сэр, я уверен, что никого не заставил страдать, — запальчиво возразил он. — А во-вторых, может, мне объяснит кто-нибудь уже, что происходит?

— Садись, Гарри, — неожиданно миролюбивым тоном предложил мистер Гринграсс, указывая на кресло рядом.

Пераспера сразу же шагнула к другому креслу и величественно примостилась на краешке сиденья. Гарри послушно опустился на сиденье.

— Ты должен понять меня, сын, — сказал мистер Гринграсс. — Ты ведь согласишься, что человека, который завоевал бы сердце любой из моих дочерей, смело можно было назвать счастливым? А как бы ты назвал того, кто покорил обеих? — не дождавшись ответа, он резюмировал: — Можно, конечно, назвать его Гарри Поттером, но на мой взгляд везения чересчур много даже для Чудо-Мальчика.

Гарри почувствовал раздражение по поводу красочного эпитета, от которого он упорно старался отвязаться, хотя бы проявив себя хорошим детективом.

— Я всё ещё... — подал он голос.

— Всё началось с визита Малфоев, — перебила его Пераспера.

— Все началось, когда Гарри впервые приполз к нам не в состоянии связать двух слов, — покачал головой мистер Гринграсс. — Буквально через день после погребения. Не подумай — я всё равно рад был тебя видеть — после церемонии ты выглядел так, словно мы видим тебя в последний раз. Перри даже настаивала, чтобы мы тебя каким-то образом обезвредили, — похлопал он жену по руке.

— От самого себя, Гарри, — поспешила она добавить. — Я была уверена, что ты сведёшь счёты с жизнью.

— Когда мы нашли тебя под дверью, все обрадовались, — добавил мистер Гринграсс. — Хотя ты и не был похож на человека, но был дорог всем нам, и ты был жив.

— Раз в неделю ты приходил к нам, — сказала миссис Гринграсс.

— Приползал, — уточнил мистер Гринграсс. — Я уже упомянул, что ты был мало похож на человека?

— Я с первого раза услышал, — пробормотал Гарри.

— Очень хорошо, — кивнул мистер Гринграсс. — Ты, если что не расслышишь, сразу проси меня повторить — мне не трудно.

— Малфои, — напомнила Пераспера.

— Да, с Малфоями нехорошо вышло, — согласился мистер Гринграсс.

— Ты как раз сидел в этом самом кресле и пытался сфокусировать взгляд на вон той вазе, — подсказала она. — Получалось, надо сказать, не очень.

— А я всё думал, стошнит его, как прошлый раз, или пронесёт... — покачал головой мистер Гринграсс и добавил: — Как в позапрошлый...

Гарри почувствовал, что густо краснеет. Пожалуй, пары раз повторения того, что он мало был похож на человека, было недостаточно — он вёл себя, как свинья, и точно заслужил, чтобы ему об этом напоминали каждый день по несколько раз!

— К счастью, мы быстро сообразили, что стоит отбирать у тебя пойло ещё на входе в дом, — улыбнулась Пераспера, правильно оценив его смятение. — Потому что теми дешёвыми подделками, что ты с собой приносил, можно не только клопов травить, но также и магов. С тех пор у нас всегда есть как минимум ящик огневиски или ледоводки в запасе — как раз на такой случай.

Ещё одна загадка разрешилась. Похоже, что Панси пришла к такому же решению, раз у неё была предназначенная специально для него бутылка...

— Пришли Малфои, — продолжил мистер Гринграсс. — Вдвоём. Люциус сразу, с места в карьер, заявил, что раз одна наша дочь разорвала помолвку с Драко, то мы должны отдать за него другую... Ну ты же знаешь, как дружно от Малфоев шарахаются даже самые страшные девицы... И пока он это всё декламировал, он как-то умудрялся тебя не видеть.

— А Драко, бедный, уже давно побледнел, как мел, и всё дёргает отца за рукав, словно

школьник, — хихикнула Пераспера. — “Пап, а, пап!” — передразнила она жалобным голосом. — И тычет в тебя пальцем.

— Тогда ты встал и предложил Малфоям убираться в... — сказал мистер Гринграсс.

— Неприличности пропусти, дорогой, — со смехом взмолилась она. — Второй раз мои нежные ушки такого не выдержат.

— Да? — удивился он. — А я даже заслушался. За пять минут отборных оскорблений ты ни разу не повторился. Судя по всему, ни один портовый каба́к не был тобой пропущен. Драко побледнел до зелёного и чуть ли не ткнул в тебя палочкой, крича при этом, что наша дочь настолько в девках засиделась, что её даже вдовцы из Визенгамота замуж не возьмут, и вообще нечего носом крутить, когда ей сам Малфой честь оказывает. Ты отвёл палочку в сторону, как-то сделал полный оборот вокруг себя, и твой ботинок вместе с ногой в нём прилетел Драко в голову, забив его в угол.

— Немного не долетел до двери, — покачала головой Пераспера. — Ты её распахнул и стал пинками выбивать бесчувственного сынка Малфоя за порог, крича, что в этом доме ему ловить нечего. Бедный, бедный Драко — его лишь через месяц выписали из больницы!

— Мне было так стыдно, Гарри, — упрекнул мистер Гринграсс. — В моём собственном доме волшебник, квалифицированный аврор забывает про всё, чему его учили, и начинает ногами бить соперника по лицу, как какой-то маггл! Ай-яй-яй, как нехорошо!

— Конечно, настоящий обученный маг оппонента мутузит кулаками, — рассмеялась она.

— Я всего лишь неловко взмахнул рукой, доставая палочку, — пояснил он.

— Настолько неловко, что Люциус, которому ты при этом совершенно случайно попал кулаком прямо в нос, так и не пришёл в сознание, пока вы с Гарри сообща выволакивали его наружу, — со смехом добавила Пераспера. — Гарри тащил за правую ногу, а ты — за левую. По ступенькам, напомню!

— И мне за это вдвойне стыдно! — воскликнул он. — Такая непозволительная неуклюжесть! И как назло я забыл про Левикорпус!

— На шум прибежала наша дочь, — продолжила Пераспера. — Ты заявил, что проблемы со всякими там Малфоями и прочими желающими сделать ей великое одолжение и — так и быть — взять её замуж нужно решить на корню, чем ты и намерен заняться прямо сейчас. Взял её за руку, что-то спросил, она тебе радостно кивнула, и вы исчезли в её комнате.

— Я был занят переговорами с вызванными мной же аврорами и не знал, что происходит в доме, — признался мистер Гринграсс. — Уже потом, когда я услышал крики... Интересно, чем

таким ты запечатал комнату, что даже домовый не смог войти? Это в собственном-то доме?

— Если я вспомню, то ты будешь первым, кто узнает, — огрызнулся Гарри и добавил: — Сэр!

— Перри меня уверяла, что ничего страшного там не происходит, — продолжил мистер Гринграсс. — Так что пришлось слушать звуки этого “ничего страшного” последующие два с половиной часа. С перерывами.

— Положим, я тебе несколько раз предлагала наложить Муффлиато, — напомнила Пераспера.

— Ещё ты хотела вырубить меня Ступефаем, — вздохнул мистер Гринграсс.

— Очень хотелось, — согласилась она. — А что ещё можно сделать с человеком, который, услышав, как там всё начинается по-новой, начинает заламывать руки, бегать по дому и обещать, что на этот раз точно прибудет мерзавца?!

— То есть вы хотите сказать... — процедил Гарри.

— Я хотел сказать, что ты обесчестил мою дочь, и теперь должен на ней жениться! — выпалил мистер Гринграсс.

Теперь всё наконец встало на места. Гарри обхватил голову руками, ошарашенно глядя перед собой в пол. По мере того, как его память неохотно отвечала на прямо заданные ей вопросы, и перед глазами раз за разом всплывало лицо девушки, — в эти мгновения он ясно начал осознавать, что именно любимой девушки, — он всё яснее осознавал, что именно имела в виду Панси, говоря, что он бросит всё на свете. Он и вправду был готов бросить всё на свете. Он вспомнил, он знал теперь... Она для него — весь мир, и ни за что он не сможет с ней расстаться. А Панси... Панси он даже не любит! Он удивлённо помотал головой.

— Как-то не похоже, чтобы ты горел желанием, — заметила Пераспера.

— Не моргнув глазом, — покачал он головой. — Если бы не одно “но”...

— Какие могут быть “но”, когда речь идёт о моей дочери? — удивился мистер Гринграсс. — Слушай, Гарри, ты мне дорог... Ты всем нам, как родной, но есть всё же предел подобной безнаказанности!..

Гарри судорожно вздохнул, встал и вытянулся перед Гринграссами.

— Дэниел, ты можешь убить меня прямо сейчас, — сказал он, чувствуя, как стремительно отливает кровь от лица. — Любой из вас может меня убить... Но я бы был благодарен, если бы перед этим вы дали мне отсрочку на день, чтобы я мог закончить кое-что.

Ребёнку нужно имя, и он его получит, что бы Панси по этому поводу ни думала. А дальше...

— Гарри, стой, — вскочил мистер Гринграсс, подбегая к нему и обнимая за плечи и участливо заглядывая в глаза. — Ну ты же не принял все эти разговоры о дуэлях и убийствах всерьёз? Мне просто хочется иногда поиграть в такого тирана и самодура, до красноты в глазах опекающего запертых в высокой башне дочерей-красавиц. Но я же не такой! Я вполне понимаю твоё нежелание жениться, когда едва прошло полгода с момента... — на его лицо набежала тень, и он на несколько секунд ушёл в себя, задумавшись. Потом ему удалось выпасть из этого состояния, и он продолжил: — В общем, не хочешь сейчас жениться — не женись, но я же вижу, что это у вас всерьёз, и поэтому совершенно не волнуюсь. Хотя вообще отношения не оформляйте. Мне же лучше, если ваши дети будут Гринграссы, а не Поттеры...

Гарри снова вздохнул.

— И всё-таки, Дэниел, я прошу дать мне день на то, чтобы уладить свои дела, — произнёс он.

Мистер Гринграсс сделал шаг назад и скрестил руки на груди, пристально глядя ему в глаза.

— Та-ак, — с нажимом сказал он. — Рассказывай, сын. Не стесняйся, здесь все свои.

— У меня будет ребёнок, — решился Гарри.

Пераспера поперхнулась и распахнула от удивления глаза, прикрыв рот ладошкой. Мистер Гринграсс остался всё так же невозмутим.

— Признаюсь, я что-то такое и подумал, когда ты начал юлить, — удовлетворённо кивнул он. — Было бы удивительно, если бы после того, как ты так шикарно погулял — а погулял ты на зависть шикарно, поверь мне. Слухи о твоих подвигах на ниве решения демографической проблемы не только в магическом сообществе, но и вообще в Лондоне, докатились даже в наше захолустье...

“Захолустьем” он, очевидно, называл всё, что не находится в радиусе пяти минут ходьбы от Министерства. С этой точки зрения их собственный Бансбери был и вовсе деревней.

— Было бы удивительно, — продолжил мистер Гринграсс, — если бы при этом ты ухитрился уж вовсе не наследить. Она хоть колдунья?

Пераспера встала рядом с мужем, прижавшись к его плечу и внимательно глядя на Гарри небесно-голубыми глазами. Она явно чего-то ждала.

— Панси, — нехотя признался он. — Панси Паркинсон.

Неожиданно для него она улыбнулась и ткнула мистера Гринграсса в плечо. Тот, как ни странно, тоже улыбнулся.

— Ой, Гарри, — сказал он. — Умеешь же ты находить непростые тропинки на своём жизненном пути! Я тебе вот что скажу — если ты вдруг обидишь мою дочь... Мне будет грустно, но я пойму. Особенно в свете того, что ты сказал...

— Дэниел, сэр! — перебил он.

— Дай мне закончить, — сказал мистер Гринграсс. — Но вот если ты обидишь Панси, то руки я тебе точно не подам!

— Дэнни! — упрекнула его Пераспера.

— Моя угроза — единственное, что я могу сделать, чтобы хоть как-то помочь в жизни этой строптивой дурочке, которая решила, что раз уж все против неё, то и мы тоже, — сердито проворчал он.

— Она просто не хотела бросить на нас тень, — пожала плечами Пераспера. — А на самом деле...

Хлопнула входная дверь, и мистер Гринграсс посмотрел мимо Гарри, расплываясь в приветливой улыбке.

— Я дома! — раздался звонкий девичий голос.

— Астория! — воскликнула Пераспера. — Погляди, кто к нам пришёл!

Гарри замер, не решаясь повернуться. Он совершенно точно знал, что ему нельзя смотреть в её чистые, как горные озёра, и синие, как небо, глаза, но почти сразу послышался лёгкий стук каблучков, и вокруг него обвилась тонкая рука. Теперь он точно пропал!

— Вы его мучили? — строго спросила Астория у него из-под плеча. — Знаю, мучили! Не важно. Я всё равно его у вас забираю! Пойдём, Гарри!

Сказав это, она потащила его на улицу. Он бросил беспомощный взгляд на её родителей, но те лишь улыбались ему вслед, причём мистер Гринграсс, как ему показалось — с оттенком злорадства.

— Постой! — взмолился он, когда они уже шли по дорожке к воротам. — Остановись же!

Астория послушно притормозила и прижалась к нему, глядя в глаза. Это оказалось с его стороны большой ошибкой — решимость объяснить ей, что им следует расстаться, моментально испарилась, уступив место желанию обнять её покрепче и никогда не отпускать. Конечно, они с сестрой были похожи, и этим он мог объяснить, отчего так легко... Отчего ему так просто её любить, несмотря даже на ужасную для всех потерю. Казалось, часть его любви к Дафне просто оказалась притянута к Астории, и сердце с готовностью забилося вновь.

— Что такое, милый? — спросила она.

— Куда ты меня тащишь? — поинтересовался он.

— К Панси, конечно, — удивилась она. — Ты разве не за этим пришёл?

— И что, я прихожу и сразу веду тебя к Панси? — поинтересовался он. — Обычно так происходит?

— Конечно, — кивнула она. — Не к тебе же домой?!

Эта мысль ему в голову не приходила. Вообще, за все эти дни он ни разу не представил себе возвращение на Гриммо. В дом, где её больше нет. С того самого памятного дня он ни разу не был дома. И сейчас, когда Астория напомнила ему, он остро почувствовал, что ещё не уверен, что готов.

— Нет, — покачал он головой. — К Панси мы не пойдём.

— Не понимаю, — нахмурилась она. — То ты меня чуть только к ней в постель не затаскиваешь, то... — она повела носом, и глаза её распахнулись: — Ой, ты, что, трезвый, что ли? Ма-амочки!

— Всё значительно хуже, — мрачно заявил он, подтаскивая её ближе к себе. — Я наконец-то начал вспоминать...

— Ты... что имеешь в виду? — осторожно спросила она.

— В среду я будто проснулся, — пояснил он. — И до того момента с церемонии ничего не помнил.

— Свинья! — сердито стукнула она его кулачком в грудь. — Ты что, даже не помнил, как...

— Теперь уже вспомнил, — поспешил заверить он, увидев, что её глаза уже сверкают от гнева, и вот-вот разразится настоящая гроза. — Вот правда, как тебя сейчас увидел, так вспомнил!

— Да? — подозрительно спросила Астория. — И что же ты вспомнил?

— Сначала мы с Дэниелом вздули Малфоев, — вздохнул он, — а потом я сказал... Чёрт!

— Ага, стыдно! — торжествующе воскликнула она. — Ты сказал... Ты сказал... Ой, мне теперь тоже стыдно!

— Я сказал, что не позволю тебе умереть старой девой, — мрачно заключил он. — И что я намерен решить эту проблему прямо здесь и сейчас. Взял тебя за руку и спросил, готова ли ты...

— А я запрыгала от радости и сказала, что готова, готова и очень готова! — рассмеялась Астория. — И ты поволок меня в мою комнату. Тогда всё и случилось! Три раза!

— Три? — поднял он бровь. — Я помню пять.

— А, не, это тебе, наверное, приснилось, — пожала она плечами. — После третьего раза ты заснул. Это я тебе совершенно точно говорю, поскольку это было полнейшим свинством с твоей стороны — в такой-то момент! Я немного полежала, а потом пошла поделиться с мамой радостью. Мама спросила, успела ли я собрать ценный ингредиент, я продемонстрировала ей флакончик, а папа сразу пошёл тебя убивать. К счастью, ты целые сутки храпел, не приходя в сознание, и у него в результате пропал весь боевой задор. Потом ты встал среди ночи и унёсся...

— Я ещё смутно помню, как голый бегал по вашему дому в поисках выпивки, — кивнул он. — Чёрт!

— Да уж, для нашего домовика мир уже никогда не будет таким, как прежде, — снова рассмеялась она.

— А что за ценный ингредиент? — вспомнил он.

— Не придуривайся, милый, — посоветовала Астория. — Я знаю, что пепел феникса стучится тебе в сердце, но всё же... Несколько капелек крови. Товар дорогой, потому что редкий.

— Ничего не понимаю, — помотал он головой.

— Балбес! — восхищенно произнесла она. — Ну что, к Панси?

— Нет, — покачал он головой. — На Гриммо.

— На Гриммо? — ужаснулась она. — Ты думаешь, ты готов?

— Ты мне поможешь? — тихо спросил он.

— Конечно, милый, — ответила она, погладив его по щеке.

Она взяла его под руку, и они не спеша направились в сторону его дома. По пути остановились в кафе, чтобы перекусить. Он с недоверием смотрел на Асторию, которая, похоже, искренне радовалась и тому, что он наконец очнулся от своей спячки, и тому, что как только её рука оказывалась на столе, он накрывал её своей ладонью. Пообедав, они пошли дальше. При их приближении дом привычно появился из ниоткуда, раздвинув соседние. Поднявшись на крыльцо, Гарри нерешительно положил руку на дверь и погладил лакированную поверхность. Астория встала сбоку, заглядывая ему в лицо.

— Не волнуйся, — сказала она, — я рядом! Я с тобой!

Он поглядел на неё и нажал на ручку, открывая дверь. В прихожей, глядя на них, стоял домовый с прижатыми, как у побитой собаки, ушами.

— Хозяин вернулся, — жалобно сказал тот. — Хозяин не бросил Кричера.

— Что за глупости! — воскликнула Астория. — Как может Гарри кого-то бросить?

— Кричер скорбел вместе с хозяином, — сказал домовый. — Теперь хозяину лучше?

— Да, теперь лучше, — кивнул он.

— Чего желает хозяин? — проскрипел домовый.

— Расконсервируй тут всё, — попросил Гарри, окидывая дом взглядом. — Я вернулся...

Кричер ткнул пальцем в стену, и по дому побежали волны. Тусклая серая гамма цветов обстановки вновь заиграла красками, зажглись светильники, а к паркету вернулся его блеск. Едва заметно шевельнулся воздух. Гарри скинул ботинки, и Астория сделала то же самое, хотя он и хотел её попросить остаться в обуви. Приняв от неё пальто, он повесил на вешалку рядом со своим плащом.

— Нам вверх, — кивнул он в сторону лестницы, приглашая подняться. — Её комната на втором этаже.

Комната любимой была одновременно и гардеробной, и кабинетом. Не то, чтобы ей

действительно требовался кабинет для работы, но семейная жизнь сопровождается мелочами — подарками, открытками, колдографиями — которые удобнее держать в одном месте, где можно было бы это разложить по полкам и ящикам или выставить на обозрение и в ожидании прихода мужа с работы иногда проводить время, с мечтательной улыбкой это всё перебирая.

Астория нерешительно замерла на пороге, боясь нарушить это таинство, которое казалось ей почти священным. Он знал, что её любовь к сестре из обожания иногда переходила в поклонение. Может, и не в поклонение, но во что-то подобное — как и почти всем, знавшим её, она казалась ангелом. Гарри приобнял её за талию и завёл внутрь.

— Это всё не может так оставаться, — помотал он головой.

— Почему? — не поняла Астория.

— Понимаешь, это как алтарь, — медленно произнёс он.

Слова давались с трудом. Тяжело было не произносить их, а подбирать так, чтобы не обидеть Асторию и не опорочить память любимой.

— Можно, конечно, здесь всё законсервировать, но тогда и у меня никогда не пройдёт, — пояснил он, непроизвольно массируя грудь слева. — Я не забуду и никогда не буду любить её меньше, чем люблю сейчас, но ради тебя, ради... — он нахмурился, поняв, что снова вспомнил Панси. — Мне нужно, чтобы сюда вернулась жизнь.

— Я понимаю, — рассеянно сказала она, проходя на центр комнаты и оглядываясь по сторонам.
— Но чего бы тебе хотелось?

— Теперь это всё — твоё, — твёрдо сказал он, подходя к ней сзади вплотную.

Астория резко развернулась и вцепилась ему в отвороты пиджака, притягивая к себе.

— Ты... — задохнулась она, пристально глядя ему в глаза. — ты... понимаешь, что ты только что сказал? Ты это всерьёз?

— Да, я сказал, что хочу, чтобы ты всегда была со мной, — кивнул он.

— Ты... Ты делаешь мне предложение? — продолжала допытываться она.

Предложение? Может ли он сделать ей предложение? Он прикусил губу и прошёл к окну, сделав вид, что интересуется происходящим на улице.

— Постой-постой! — воскликнула Астория. — Что это всё означает? — она подошла и дёрнула его за рукав, но он не пошевелился. — Отвечай!

— Честно говоря, я не знаю, что мне делать, — пробормотал он после долгой паузы. — Что мне делать, Астория?

— Знаешь, пьяным ты мне нравился больше, — упрекнула она. — Не сомневался и не спрашивал. Пётр к своей цели, как бык на красную тряпку. А теперь протрезвел, вдруг всего испугался и резко дал задний ход!

— Я вёл себя, как законченный мерзавец, — выругался он.

— Ну-у... — замялась Астория.

— Не споришь? — усмехнулся он.

— Не как законченный, — пожала она плечами, — но определённый звериный шарм во всём этом был.

— Думаешь? — покосился он на неё. — Шарм? Звериный?

— Уверена, — подтвердила она. — Тем не менее про те из твоих смелых экспериментов, которые мне показались чересчур смелыми, ты легко забыл и даже второй раз предлагать не стал.

— Смелые эксперименты? — озадаченно переспросил он.

— Потом, Гарри, — раздражённо топнула она ножкой. — Эксперименты обсудим потом. А сейчас ты пытался сделать мне предложение.

— Звериный шарм, говоришь? — хмыкнул он, обнял и опрокинул себе на колено, придерживая бедро и крепко ухватив за талию, словно в танго.

Астория взвизгнула от неожиданности и обеими руками повисла у него на шее.

— Мадемуазель, — хрипло произнёс он низким голосом, пожирая алчным взглядом грудь в вырезе платья.

— Ах! — воскликнула она и приложила руку ко лбу, будто падая в обморок.

— Мадемуазель, — повторил он ещё более хриплым голосом и с трудом удержался, чтобы не

закашляться. — Же тем, мон амур!

— Ах! — снова воскликнула Астория, а он впился всё-таки губами в её декольте.

— Гарри, — потрепала она его по макушке, когда через минуту он так и не удосужился вылезти из выреза её платья. — И всё-таки! Давай серьёзно!

Он рывком поставил её и положил руки на талию.

— Я серьёзно, — сказал он. — Я тебя люблю...

— Значит, это предложение! — воскликнула она, прикрыла глаза и, привстав на цыпочки, потянулась к нему губами.

— Я не брошу Панси, — сообщил он, немного отклонившись.

— Что? — не поверила она, круглыми глазами глядя на него. — Что ты сказал?

— Я не брошу Панси, — повторил он. — И не отпущу тебя.

— Отпусти сейчас же, — принялась она вырываться.

— Сказал же — не отпущу, — спокойно возразил он, сжимая её плечи в ладонях. — Считаю это издержками моего звериного шарма.

— Это потому, что ты её обрюхатил? — с кривой усмешкой спросила Астория.

— Фу, как грубо! — возмутился он. — Выбирай выражения!

— Заделал ей ребёнка! — выпалила она. — Лучше? Поэтому? Ну хочешь, и я тебе ребёночка рожу?

— Не надо! — поспешно произнёс он и сокрушённо закрыл глаза. — Прости, я не в этом смысле.

— Тогда почему? — спросила Астория. — Ты увидел, какая она бедняжка, и пожалел?

— Да нет же! — нахмурился он. — Вот чего уж я точно к ней не испытываю, так жалости!

— А что ты к ней испытываешь? — игриво спросила она, явно развлекаясь этим допросом.

— Ты правда хочешь услышать? — удивился он. — Или просто потешаешься?

— Ну ладно, — серьёзно кивнула она. — Я правда хочу услышать.

— Я ей восхищаюсь, — пожал он плечами. — Она удивительная. Ты не пойми меня неправильно. Ты удивительная. Но и она удивительная — своим, особым образом. Я знаю, что я не влюблён... Точнее, я не чувствую никакой влюблённости, и уж точно ничего такого, что я чувствую по отношению к тебе, — он взял её руку и поцеловал. — Но к ней меня тянет, как магнитом, и мне становится невыносимо грустно при мысли о том, что я её сегодня не увижу.

— Ну ты загнул! — покачала головой Астория, когда он замолк. — Почти что Артюр Рембо! А что самое забавное — сидишь с красивой девушкой, целуешь ей ручки и объясняешься в любви к другой.

— Я как раз говорил, что любви-то и не ощущаю! — возразил он.

— Я услышала, что ты сказал! — с вызовом откликнулась она. — Я всё прекрасно услышала. И прозвучало это именно как признание! Ну да ладно... Что ты собираешься делать?

— Не знаю, — пожал он плечами. — Сначала мне нужно убедить Панси, что я ей тоже нужен.

— Ты ещё не убедил меня, что мне стоит остаться с тобой, — покачала головой Астория.

— Идём, — позвал он, беря её за руку. — В более подходящее для уговоров место.

Хозяйская спальня была в самом конце коридора — светлое просторное помещение с огромной кроватью и тёплым мягким ковром на полу. Ковёр был идеей Дафны и, как оказалось, очень хорошей идеей. Ему было видно, как вспыхнули глаза Астории, которой устройство спальни тоже понравилось. Он подвёл её к кровати, уселся на край и похлопал ладонью рядом. Она с готовностью уселась.

— Ты опять сменил кровать? — любопытствовала она. — И когда только успел?

— Не сменил, — покачал он головой. — Это наша.

Астория была в курсе, что после довольно болезненного и скандального развода с Джинни — а точнее, развод всё-таки был с Молли, которая вдруг сообразила, что жизнь её снова окажется ограниченной Норой и огородом вокруг, и вместо столичной дамы она опять станет обычной деревенской кумушкой... После развода он избавился от старой кровати и ещё нескольких предметов мебели и приобрёл себе новую, да ещё и в соответствии с уже образовавшимися

предпочтениями. Соответственно, и рама, и матрас были сделаны на заказ, поскольку в лондонских магазинах таких размеров даже близко не было.

— Твоя и Дафны? — ахнула она.

— Это наша, — повторил он.

— Ты хочешь, чтобы я заняла её место? — не поверила Астория.

— Нет, милая, у тебя своё и совершенно особенное место, — возразил он и показал на сердце: — Вот здесь!

— Но там же Дафна! — напомнила она.

— Конечно, — согласился он. — Она никуда не денется. Никогда...

Он потянулся и поцеловал её в изгибе шеи, а она оттолкнула его, прижимая плечо к уху.

— Постой, — попросила она. — Ты мне ещё не рассказал... Как ты всё это время жил? Мы же тебя хорошо, если раз в неделю видели...

— Слетел с нарезки, — покачал он головой. — Я не буду тебе рассказывать, потому что я действительно не очень достойно себя вёл. Дал волю своему звериному шарму. Точнее, спустил зверя с цепи. Без намордника.

Астория вытаращила глаза, глядя в пол.

— Ах, вот оно что, — в ужасе пробормотала она. — Нет, не рассказывай. Надеюсь только, меня не ждут в будущем дополнительные сюрпризы...

— Я тоже, — пожал он плечами. — Сама понимаешь, что есть вещи, которые мужчина проконтролировать не в силах.

— Или не хочет, — отмахнулась она. — Ну и чёрт с ним! Ты мне лучше скажи — как?! Прошло всего полгода, и ты уже влюблён, и мне не видно, чтобы страдал...

— Я должен страдать? — он бросил на неё острый взгляд, и она смутившись отвернулась.

— Мы все боялись, — тихо сказала она. — Я боялась... Что ты что-нибудь с собой сделаешь. Если бы это было возможно, я бы просто приклеилась к тебе тогда и никуда одного бы не отпустила!

— Перри предлагала меня обездвигить, — усмехнулся он. — Прости меня, милая.

— За что? — удивилась Астория.

— За то, что я тебя подвёл, — пояснил он.

— Ты про баб всех этих? — возмутилась она. — Да пошли они все к чёрту!

— Нет, не про баб, — покачал он головой. — Я ведь и вправду...

— Дурак! — обиделась она. — Ты просто себе не представляешь... Родители же... Ты же им как родной, как собственный... Представь, как им было бы потерять сразу двоих детей!

— Прости, — повторил он, понурившись.

— Дурак! — повторила она. — Как я рада, что у тебя хватило ума передумать!

— Я не передумал, — пожал он плечами. — Я исполнил задуманное.

— Что?! — воскликнула Астория. — Что ты исполнил?!!

— Помнишь, я тебе рассказывал про смерть Сириуса? — спросил он. — Я пошёл за ним.

— В эти ужасные Ворота? — спросила она, побледнев. — В Отделе Тайн?

— Да, в Арку, — кивнул он. — Оказалось, это вовсе не бесполезный инструмент для убийства, а что-то вроде артефакта для исполнения желаний...

— Дурак! — снова повторила она, и ему показалось, что она сейчас расплачется.

— Астория... — позвал он, взяв её руку в свою.

— Двадцать четыре года уже Астория! — огрызнулась она, но руку не забрала. — И чего ты попросил?

— Я хотел забвения, — ответил он. — Точнее, я лишь хотел, чтобы не так болело... Эта штука всё правильно поняла...

— Глупый, глупый гриффиндорец, — вздохнула она. — И что бы я без тебя делала? Как бы я

жила?

— А... — открыл он было рот, но осёкся, встретившись с ней глазами.

Он хотел спросить, почему она говорит о себе — ведь тогда-то, до его похода в Отдел Тайн, он ей был всего лишь мужем сестры. Или не был? Её взгляд дал ему ответ лучше всяких слов, но она всё-таки решила окончательно избавить его от сомнений.

— Ты думаешь, можно было устоять, Гарри? — с лёгким укором в голосе произнесла Астория.
— Ты думаешь, у меня был хоть какой-то шанс в тебя не влюбиться? Нет, ты не подумай, ты вовсе не способен одним лишь взглядом или сладкоголосым пением сразить девушку, покорив её сердце. Дело вовсе не в тебе...

Она прикусила губу и вздохнула. Он ждал, когда она продолжит — если она собирается-таки продолжать.

— Кто, как ты думаешь, был самой преданной твоей поклонницей? — спросила она. — Той, что обожала тебя и любила больше всего на свете? Моей сестре даже не нужно было хвалить тебя вслух — достаточно, чтобы кто-нибудь упомянул Гарри Поттера, и она вспыхивала... Как Венера в надвигающейся темноте ночного неба... Это пламя, что горело в её душе, было заразительно... Я не устояла, да и никто из нас не устоял... Даже папа, который сначала прямо-таки дышал негодованием в отношении наглеца, который встал на пути казавшегося ему выгодным брака... Ты бы слышал, с каким восторгом и гордостью рассказывает он услышанные от приятелей и знакомых истории, как он гордится... Словно ты и вправду его сын. Даже Панси Паркинсон...

— Что — Панси? — жадно спросил он.

— Я тебе всё-таки в любви объясняюсь, — покачала головой Астория. — А ты опять хочешь слышать о другой...

— Прости, милая, — смутился он. — Я и вправду болван.

Она забралась на кровать, прижалась к нему сзади и обняла.

— Дафна навещала её, — прошептала она, щекотно дыша ему в ухо. — Панси уже несколько лет, как не появлялась среди волшебников. Дафна приносила зелья и ингредиенты, которые специально для неё покупала. И конечно, рассказывала. Всё-всё. Надеялась, что хоть так сможет растопить глыбу льда, в которую та сама себя заключила. Я просто уверена, что Панси в тебя уже давно влюблена. Невозможно тебя не любить после рассказов Дафны о тебе. И я...

Она прильнула губами к его шее и стала целовать, а он обнял её через голову, чтобы подставить губы.

— Люблю тебя, — сказал он, разворачиваясь к ней.

Мягко надавил, откидывая её на кровать, и прижал сверху своим весом, глядя в глаза.

— Люблю тебя, — радостно улыбаясь, ответила она и притянула к себе.

Астория задремала, свернувшись калачиком у него под боком, а он продолжал гладить её волосы, глядя в потолок, с каждой минутой всё сильнее ощущая, как его тянет магнитом в сторону той самой двери, за которой его ждёт бесстрастный взгляд зелёных глаз. Словно почувствовав его мысли, Астория завозилась и положила ладонь ему на грудь. Поцеловав её в темечко, он снова откинулся на подушку.

Она права — если уж он заварил всю эту кашу с двумя девушками под одной крышей и никого при этом не то, что не спросил, — даже мнением не поинтересовался, — то решать, что с этим делать дальше, только ему. Даже не решать, а выкручиваться. Ужом на сковородке, подогреваемой в пламени сразу двух огней. С другой стороны, то, что она говорит про любовь к Панси — и наоборот — это полная ерунда. Он знает, что такое любовь, а его отношение к Панси на любовь совсем не похоже. Зато физическое влечение к ней таково, что он готов волком выть на луну и бежать к ней через весь город. Может, ему нравится то, что она в положении? Да ну глупости же — к Джинни, к примеру, когда та ждала ребёнка, его совсем не тянуло...

Интересно, что она сейчас делает? Наверное, вышивает в окружении ниток и иголок. О чём она думает? Думает ли она о нём? То, что ответ на этот вопрос был для него важен, было тревожным знаком. Может, Астория в чём-то и права. Но нет, конечно, он не любит Панси. Она ему нравится, и он о ней заботится. Не как о привлекательной девушке, а как о матери своего ребёнка.

Дыхание Астории переменялось — она уже не спала.

— Кричер, — негромко позвал он в темноту.

— Да, хозяин, — немедленно откликнулся домовый, хлопком возвестивший о своём появлении.

— Мисс Астория Гринграсс теперь хозяйка в этом доме, — сообщил он.

— Желание хозяина — закон для Кричера, — отозвался домовый. — Что-нибудь ещё?

— Ещё мисс Панси Паркинсон, — добавил он.

— Что насчёт мисс Панси Паркинсон? — поинтересовался домовый.

— Она тоже хозяйка, — пояснил Гарри.

— Кричер понял, — невозмутимо подтвердил домовой. — Но Кричер её здесь никогда не видел!

— Если мисс Паркинсон здесь появится, то её желания подлежат исполнению, — сказал он.

— Кричер рад будет служить новым хозяйкам, — проскрипел домовой. — Что-нибудь ещё?

— Задёрни шторы и включи свет, — попросил он. — А потом... мы бы хотели остаться наедине.

Астория подвинулась, поместив голову ему на плечо, а он засунул руку под одеяло, кончиками пальцев пробежав по нежной коже на рёбрах, и взял в ладонь грудку, до которой дотянулся.

— Хозяйка, значит, — сказала она.

— Хозяйка, — согласился он.

— А ты знаешь, что в Тёмные Века, когда не нужно было даже быть волшебницей, а достаточно было иметь хорошую фигуру и смазливое личико, чтобы тебя сожгли на костре за колдовство... — произнесла она.

— Бред, конечно, — пожал он плечами. — Разве можно сжечь волшебницу на обычном костре из дров и хвороста?

— Вот-вот, — рассмеялась Астория. — Так они всех мало-мальски привлекательных женщин у себя и вывели!

— Да, слушай, точно! — с энтузиазмом отозвался он. — Я, пока не стал среди магглов много времени проводить, думал, что в Хоге встречались некрасивые девушки! А тут полный Лондон таких крокодилов, что с нашими дурнушками даже рядом не стояли!.. Что ты мне хотела сказать про костры?

— В те времена неприятие христианства среди волшебников было настолько сильно, что даже древние языческие обряды, которые напоминали бы христианские, нами были отвергнуты, — вспомнила она. — И свод магических правил и законов обогатился статьёй, по которой достаточно было назвать девушку хозяйкой в своём магическом жилище... Ты хорошо подумал?

— То есть я только что взял тебя в жёны? — беззаботным тоном спросил он. — Ну и отлично.

— Нет уж, от пышной свадьбы ты не отвертись! — пообещала она, игриво щипая за бок. — Я тоже хочу быть красивой и в фате!

— Ты и так красивая, — улыбнулся он. — И счастливая.

— Да уж, — кивнула Астория, — даже несмотря на то, что ты твёрдо нацелился на Панси.

— Её я тоже... взял в жёны? — спросил он.

— Да не бери в голову, — рассмеялась она. — Это же очень старый обычай. В шестнадцатом веке свод по части семейных отношений полностью переписали, так что теперь там такого положения точно нет.

— Я гляжу, ты этой темой плотно интересовалась, — заметил он, целуя её в лоб.

— Порядочная девушка начинает готовиться к свадьбе одновременно с получением в подарок первой куклы, — серьёзно заявила Астория. — Мне настоящую куклу с кучей платьев и даже прекрасным принцем для комплекта подарили, когда мне было пять лет. К шести все необходимые обряды и обычаи у меня уже от зубов отскакивали!

— Мерлин, куда я попал! — в притворном ужасе воскликнул он. — Да ты какая-то свадебная маньячка!

— Это ещё что! — кровожадно оскалилась она. — погоди, ты ещё попадёшься в руки маме, которая будет это всё организовывать! Наряды, букеты, закуски и свадебный торт!

— Ужас! — воскликнул он. — Срочно мне портал на Тибет!

— Почему на Тибет? — подозрительно спросила она.

— Оттуда выдачи нет! — выпалил он.

На самом деле, всё было не так страшно. Гринграссы действительно любили своего зятя, и Пераспере не пришлось бы в голову устраивать торжество, на котором он чувствовал бы себя неудобно. А он... Он до беспамятства любил свою невесту, и всё, что ему нужно было — чтобы улыбка никогда не сходила с её лица. Ему даже не пришлось стараться или делать над собой усилие в день свадьбы — он просто растворился в её счастливых глазах, и ничего, кроме этих глаз, для него в мире не было... До того самого момента, когда он по традиции перенёс её через порог дома на Гриммо, и глаза её округлились в ужасе от прощального “подарка” Джинни.

— Никуда ты не сбежишь! — злодейски хихикнула Астория, ноготками царапая ему грудь и вытряхивая из воспоминаний.

— Не сбегу, — уверенно согласился он.

— Так когда свадьба? — напомнила она, а потом опомнилась, подняла голову и сделала жалобное лицо: — Прости, милый, что-то меня занесло! Совсем я от твоих признаний голову потеряла. Не обращай внимания, никакой свадьбы мне не нужно — лишь бы ты рядом!

— Конечно, нужно, — произнёс он. — Ты не могла бы мне перечислить все наши законы по этой части?

— Ты всё время о ней думаешь? — участливо поинтересовалась она.

— Нет, не всё время, — возразил он. — Когда ты и я... Когда мы с тобой... я думаю только о тебе.

Она приподнялась и легла на него сверху, глядя в глаза.

— Не знаю, как ты, — заявила она, — а я двадцать четыре часа любви в сутки физически не выдержу. Но попробовать стоит. Ты как считаешь?

Он стянул с неё одеяло, погладил спину и крепко стиснул ягодицы.

— А я всегда только за, — сказал он, и она сразу впилась ему в губы поцелуем.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://tl.rulate.ru/book/74095/2051761>